

Медитация Геральта закончилась за мгновение до того, как петух прокричал первые лучи зари. Тем не менее он не шевельнулся, не застонал и даже не соизволил открыть глаза. Он просто лежал на роскошной кровати для двоих, оставаясь неподвижным, как труп, обеими руками все еще держа по одному лезвию. Его правый обвился вокруг рукояти стального клинка под простынями рядом с ним. Другой держал под подушкой серебряный метательный кинжал. После событий последнего вечера у ведьмака было много причин оставаться начеку.

Ночь прошла без проблем. Шпионы и шпионы больше не поднимались по скрытой лестнице, чтобы осмотреть или украсть его вещи. Никакие убийцы не взбирались по всей длине башни или ее извилистым лестницам, чтобы перерезать горло Геральту. Ни один отряд Золотых Плащей, Красных Плащей и Королевской Гвардии не пытался выбить его дверь и заковать его в цепи. Единственными звуками, которые он мог слышать, были редкие удары его собственного, замедленного сердца, крики чаек, а один из солдат, стоявших у его дверей, зевнул так громко, своим низким голосом, что это походило на медвежий рев.

Отбросив простыни, Геральт приветствовал холодный утренний воздух на груди и спине. В течение следующих нескольких минут он выполнял серию упражнений посреди своей комнаты, готовя свои мышцы к предстоящей реальной практике. Пришли слуги, неся воду и тряпки, чтобы вымыть ему лицо, и миску, в которую он мог помочиться, если он в этом нуждался. К их чести, они проделали весьма похвальную работу, не выглядя слишком ошеломленными или напуганными его коллекцией шрамов. Один из слуг Фольтеста за месяцы, проведенные при дворе Вызимы, взвизгнул при виде их, бегая по коридорам и крича, что в замок вторгся гравир.

Как только они ушли, Геральт снова надел свои доспехи и снаряжение. Он ничего не оставил, потому что очень высока вероятность того, что кто-то воспримет их слежку за откровенным воровством. К тому времени, как он закончил, солнце сияло ярким, красивым оранжевым светом, большая часть ночных облаков исчезла, оставив вид на Красный замок и близлежащее море, на любование которым можно было потратить минуту или две. Он пожелал охранникам доброго утра, и они с энтузиазмом ответили ему тем же. Несомненно, Тайвин проинструктировал, с каким почтением должен обращаться к гостю-мастеру-ведьмаку. Или, возможно, его репутация, связанная со спасением сира Герольда и Элии Мартелл, уже предшествовала ему.

Снаружи замок уже начал просыпаться. Охранников и часовых, которые пострадали от ночных дежурств, сменили свежие, готовые люди. Хозяева питомника и их помощники раздавали еду местным сторожевым собакам. Кузнецы продолжали свое дело, в то время как молодые ученики сновали вокруг, готовясь к обучению или перенося оборудование туда, где оно было необходимо. Геральт прошел через этот двор, получая приветствия от близких и приглушенный шепот благоговения и догадок от всех остальных. Он задавался вопросом, сколько из них были шпионами. Солдаты, охраняющие змеевидные ступени, немедленно пропустили его, сославшись на то, что сир Лейвн отдал им такой приказ.

— Доброе утро тебе, Геральт! Присаживайся! Рыцарь, о котором идет речь, помахал ему, сидя за столом справа от белой стройной башни, Геральт заметил рыцаря раньше, без сомнения, в штаб-квартире Королевской гвардии. Член Дома Мартеллов был не один, рядом с ним сидел еще один из элитных телохранителей Эйриса, его доспехи были почти такими же, за исключением шлема, украшенного черной летучей мышью. Его волосы были убраны назад, позволяя его выступающим бровям и свирепому взгляду добиться максимального эффекта. Такой взгляд, должно быть, приводил в уныние многих его противников.

— И вам, сир Левин, — сказал Геральт, садясь напротив двоих мужчин. — А вы, сир?..

— Сир Освелл из дома Уэнтов, — сказал он, склонив голову и улыбаясь. — А у человека, чье плечо все еще болит от твоего клинка.

- Мои извинения за это, обстоятельства были...

«Ни слова больше, я воин, мастер ведьмак, иногда человек должен делать то, что должен. В противном случае он может с тем же успехом броситься на меч врага».

«Желательно не то, чем вы владеете», — улыбнулся сир Левин, отпивая чашу вина. «Я думал, что моя племянница просто приукрашивала правду, когда говорила, что ты разрезал Улыбающегося Рыцаря пополам, теперь я думаю, что это чудо, что ты просто на этом закончился».

— Скажем так, я с ним полегчал, — сухо сказал Геральт. «Если вы не возражаете, я скажу, что вы на удивление хорошо переносите мою демонстрацию прошлой ночи».

«Я сражался с Артуром Дейном с тех пор, как он был всего лишь оруженосцем, — сказал сир Левин. «Мне знакомы странные клинки. Кроме того, не каждый день выпадает шанс сразиться с чем-то подобным».

— А я вырос в руинах Харренхолла, мастер ведьмак. Уверен, для тебя это ничего не значит, но тебе будет трудно найти более проклятое место во всем Вестеросе. Я видел и слышал много странных в его огромных залах еще до того, как я научился ездить верхом».

"Такой как?" — спросил Геральт, заинтригованный тем, что считается проклятием в этих землях, где даже небольшой разряд энергии считался великим подвигом.

— Не могу сказать, — злобно усмехнулся сир Уэнт. «Возможно, меч, приставленный к моему горлу, поможет мне вспомнить».

Геральт, поняв, что замышляет рыцарь, ответил с такой же ухмылкой.

«Помни, Освелл, ведьмак и я уходим первыми».

Мысль сразиться с ними обоими сразу пришла в голову Геральту, но он решил иначе. Такое предложение может вызвать ненужные трения с единственными людьми, с которыми он может установить искренние отношения, за исключением, возможно, принцессы. Кроме того, это место в Харренхолле возбудило его интерес, он хотел услышать рассказ из первых рук о том, что там произошло, чего не могла сделать книга Пицеля. Сразиться с ними один на один было безопаснее.

И вот они вдвоем ушли, выйдя на ринг, предназначенный для тренировочных спаррингов, окруженный деревянными баррикадами шириной в тридцать футов. Лицом к югу стоял сир Левин, его белые доспехи практически сияли в лучах раннего утреннего солнца, он был настоящим рыцарем и, несмотря на свой возраст, несомненно, был в центре внимания многих падающих в обморок дам. Геральт, по сравнению с ним, без сомнения, выглядел ближе к наемнику в своей кожаной куртке с серебряной кольчугой вокруг рук, плеч и живота, перчатках с шипами и потертых кожаных ботинках. Не то чтобы другие присутствующие во дворе, казалось, возражали против приглушенного шепота, которым они обменивались.

— Это ведьмак?

— Как думаешь, кто победит?

— Давай, мне нужно в уборную!

"Первый человек, чья спина коснется земли, проигрывает, согласны?"

— Согласен, — ответил Геральт, обнажая свой стальной меч. Сир Лейон сделал то же самое, не используя никакого щита. После взаимных кивков, чтобы начать, они не сразу напали друг на друга, предпочитая медленно ходить по кругу, Геральт направо, Левин налево. Ведьмак держал клинок в одной руке, направленной для колющего удара, его спина и колени слегка сгорбились. Королевский гвардеец держал спину прямо, обхватив руками рукоять меча.

Он сверкнул менее чем за мгновение до того, как он размахнулся, целясь Геральту в грудь. Ведьмак заблокировал удар, отразив удар в сторону, но сир Левин воспользовался движением в свою пользу, приготовившись для удара сверху. Геральт отпрыгнул назад, а затем отступил в сторону, когда Льюин направил клинок, готовый вонзиться в землю, в удар по коленям. Контратака Геральта попала ему в бок шлема, оторвав его ровно настолько, чтобы звук содрогнул рыцаря, даже не порезав ему волос на голове. Льюин замолчал, понимая, что потерял инициативу, которую ведьмак не отдаст с такой готовностью.

Применяя принципы Огненного Танцора, он ответил серией дервишских быстрых ударов, сопровождаемых поворотами запястий, чтобы максимизировать непрерывный импульс. Каждый удар приводил к еще одному из растущей серии небольших порезов, подобных тем, что он уже сделал. Еще одна часть его шлема отвалилась, один из ремней его перчаток развязался, угол наплечника болтался и свободно лязгал по остальной части его доспехов. Лейвн не мог атаковать, когда Геральт отбрасывал его все дальше и дальше, и не мог защищаться, потому что движения Огненного Танцора гарантировали, что Геральт всегда попадет, в то время как его враг отчаянно пытался встретить меч.

Однако сир Левин не закончил, вместо того, чтобы отступить перед лицом удара, призванного нанести диагональный разрез по его доспехам, воин из Дорна вместо этого удержался на месте. Геральт сразу же осознал опасность этого и прыгнул в сторону, чтобы увеличить расстояние между ними и, что более важно, не врезаться в плоть Льюина.

«Рискованно, особенно для спарринга».

«Как бы странно это ни звучало», — Королевская гвардия, тяжело дыша и улыбаясь. «Я верил, что ты не причинишь мне вреда, ты более чем показал точность своих ударов!

Дорнийцы сделали выпад, начав серию, казалось бы, несвязанных стаккато движений. Зверинец низких и высоких ударов, подчеркивающих скорость и мощь, чтобы сокрушить противника. Это было все, что Льюин мог сделать, — одолеть Геральта, прежде чем он снова окажется подавленным. Ведьмак редко блокировал, предпочитая отражать удары меча и уворачиваться, выжидая подходящего момента для удара. Это произошло, когда Лейун толкнула. Заимствуя прием у Эскеля, Геральт напрягся и выждал, а затем махнул обратным хватом, ударив дорнца по мечу. Это произошло так быстро и в такой неортодоксальной манере, что Королевский гвардеец ничего не мог сделать, кроме как споткнуться в тщетной попытке сохранить равновесие, прежде чем его спина коснется земли.

Реакция тех, кто наблюдал за битвой, была действительно громкой, возможно, достаточно громкой, чтобы разбудить и разозлить Эйриса. Многие были в восторге, некоторые были встревожены, другие уже начали предлагать друг другу ставки на предстоящий бой. Геральт подошел к Королевской гвардии и протянул руку, сир Левин, кашляя, но улыбаясь, с радостью принял ее.

— Хорошо сражались, сир Левин.

— И тебе того же, — усмехнулся он, отмахиваясь от дополнения. «Семь Адов, я не видел, чтобы кто-то двигался так, как ты, с тех пор, как в последний раз сражался со своим племянником. Хотя он предпочитает копыя мечам».

«Я не сомневаюсь, что Красный Змей и магистр Геральт обеспечат нам битву, достойную песен», — сказал сир Уэнт, выходя на арену. Он был на полголовы выше Ведьмака и, в отличие от дорнийцев, сопровождал свой клинок чистым белым щитом. — Но теперь, я думаю, моя очередь.

— Непременно, сир Освелл, — сказал Лейун, дружески похлопав своего товарища по Королевской гвардии по плечу. «Я очень хочу знать, кто из нас проиграет быстрее».

Как и прежде, Геральт стоял на севере, а сир Уэнт — на юге, широкоплечий рыцарь действительно представлял собой свирепое зрелище. Не такой большой, как Улыбающийся Рыцарь, но его белая броня, украшенная черной летучей мышью на шлеме, производила устрашающее первое впечатление. Проблема Геральта заключалась в том, как победить его, если бы это была битва на смерть, было бы просто метнуться, разрезать его по суставам, а затем обезглавить рыцаря. Или достаточно мощный Аард сломает его защиту и сделает его уязвимым для удара в горло. Скорость и замысловатые фехтования в этой битве негодились, пришло время использовать Темерского Дьявола.

Согнув колени и держа над головой меч обеими руками, Геральт кивнул, соглашаясь начать, и стоял на месте, пока тяжелые шаги сира Уэнта приближались к отдалению. Он не сдвинулся и на дюйм, сверля взглядом щель, сквозь которую мог видеть воин Харренхолла. Только когда его клинок достиг середины взмаха, Геральт ответил. Сила его контратаки была такой силы, что она чуть не выбила меч из руки Осуэлла, заставив его отшатнуться. Вращаясь вместе с инерцией, Геральт сделал диагональный пируэт и снова ударил, прорезав щит противника глубокой линией, издав скрежещущий звук скрипа металла и искр.

Сира Уэнта это не остановило, он восстановил равновесие и снова нанес серию медленных, но мощных ударов, которые могли бы разрубить Геральта на куски, если бы он позволил им это сделать. Вместо этого он встречал каждый удар, используя инерцию и импульс обмена, чтобы нести его в каждый последующий удар. Сир Уэнт продержался некоторое время, дольше, чем у большинства мужчин, но его броня и исчезающая выносливость рядом со скоростью, работой ног, силой и перераспределением кинетической силы Геральта могли закончиться только одним путем. Совершив последний пируэт, Геральт увеличил дистанцию между ними и прыгнул высоко в воздух с мечом над головой. Когда он упал, удар ведьмачьего дола поразил сира Уэнта с такой силой, что человек рухнул на землю.

Реакция толпы на этот раз была еще громче, сформировав настоящий хор аплодисментов и возмущенных проклятий. Сегодня многие мужчины будут хорошо пить, в то время как другие столкнутся с гневом многих разгневанных супругов. Сир Освелл остался лежать на земле, тяжело дыша. Геральт издал неслышный стон и подошел к нему. Когда рыцарь из Харренхолла потянулся, чтобы сдвинуть свой лицевой щиток, он заметил меч, направленный ему в горло.

— Как у вас с памятью, сир Уэнт? Геральт злобно усмехнулся.

Королевская гвардия вернула его. — Держу пари, острее, чем твой меч.

"Вампир, пристрастившийся к крови и... алкоголю?"

«Я сам не поверил, великий мастер, но ситуация была такой. Катакан охотился на людей в городе Оксенфурт в течение нескольких недель. Большинство из них погибли, за исключением молодой женщины. другие во всех возможных отношениях. За исключением того факта, что они любили бутылку. Алкоголь становится все более и более присутствующим в кровотоке, чем больше человек его пьет, поэтому у вампира, пристрастившегося к обоим веществам, не было бы другого выбора, кроме как нацеливаться на пьяниц.

— Как тебе удалось победить такое существо?

- Единственный известный мне способ: самому напиться в дерьмо. Должно быть, я бродил по улицам в течение добрых часов ночью, напевая, пока у меня не заболело горло, и вызывая гнев многих приличных спящих граждан и патрулирующих. В конце концов катакан пришел за мной, и я бы солгал, если бы сказал, что это был не один из самых... интересных боев в моей карьере ведьмака».

— Господин Геральт, — улыбнулся Великий мастер с игривым взглядом. — Ты шутишь надо мной?

«Вы переоцениваете мое воображение, я бы не смог придумать это, если бы вы заплатили мне сундук, полный золота».

Двое мужчин засмеялись, сидя друг напротив друга за большим дубовым столом, заставленным горшками, кувшинами, чашками, пергаментами, книгами, фляжками... Внутри покоев Великого мастера. Вокруг была просторная палата, способная вместить до двадцати человек, множество томов, сундуки, полные ингредиентов, которые Геральт мог и не мог распознать по одному только запаху. Однако это было далеко не беспорядок. Несмотря на то, что он был одним из главных советников короля, предлагая знания по широкому кругу предметов, от медицины до истории, Великий мастер содержал свои апартаменты в чистоте.

Один из многочисленных боковых столов, в настоящее время накрытый толстым покрывалом из ткани, служил новым домом для головы катакана. После утренних спаррингов или разговоров с Королевской гвардией Геральт получил известие, что Пицель готов встретиться с ним. Его башня была построена вдоль тех же зубчатых стен, что и Башня Белого Меча. Ведьмак все время своего пребывания слышал карканье воронов с его верхних уровней. Его тепло встретили, предложили еду и питье, прежде чем они приступили к своим делам.

Это напомнило ведьмаку о его пребывании в Оксенфурте, хотя на этот раз он был профессором. На протяжении всего разговора Геральт объяснял способности глаз катакана, его ночное зрение, как в их слюне содержится небольшая доза яда, ослабляющего добычу. По приказу Великого мастера он удалил образцы существа, один клык, кусок его рога, предложил сердце, чтобы отправить в штаб-квартиру мастера, Цитадель, чтобы проверить все утверждения Геральта. В конце концов, разговор перешел к другим формам вампиров.

Пламарды, наиболее близкие по внешнему виду к обычным летучим мышам. Но такие же большие, как маленький ребенок, и любят подавлять свою добычу стаями. Гаркаины, стайные звери, которые висят на потолках, прыгают по крышам и настолько уродливы, что их часто принимают за горгулий. Звериная жестокость Экиммы, внешне близкая к Катакану, почти всегда приводила к ужасающим увечьям. Высшие вампиры, такие как Бруксы, Носфераты, Альпы... Потребовалось больше времени, чтобы объяснить. Как одни могли выглядеть как мужчины и женщины, другие наслаждались неуязвимостью к солнцу. Пицель слушал энергично и прилежно, записывая все сказанное со скоростью человека в пол года, его энтузиазм скорее соответствовал ученику, чем опытному мастеру. Великий

мейстер'Удивление, вызванное тем, что вампиры пьют кровь скорее как пристрастие, чем как реальная необходимость, неизбежно привело их к заключению Оксенфуртского контракта.

«Час становится поздним», — сказал Пицель, глядя в ближайшее окно на заходящее солнце. — Боюсь, мы потеряли счет времени. Тем не менее, я уже много лет не проводил столь приятного дня.

«Точно так же не каждый день мне выпадает шанс поделиться знаниями ведьмака. Большинство моих друзей и коллег либо уже знают эти факты, либо им становится скучно, когда я пытаюсь копнуть слишком глубоко».

«Это сложная тема», — Пицель провел рукой по своей седеющей бороде, глядя на спрятанного катакана. «Столкновение с одним из этих монстров... Почему этого достаточно, чтобы свести большинство людей с ума. Ах!» — крикнул он, хлопнув себя по столу. "Как глупо с моей стороны! Пожалуйста, подождите минутку!"

— сказал Великий мейстер, роясь в своем столе, пока его руки не нашли определенный фолиант. "Я уже собирался показать вам это, но во всем волнении..."

Книга, написанная на непонятном Геральту языке, содержала множество иллюстраций и карт. Одни относились к Вестеросу, другие к Эссосу, некоторые из рисунков были с изображениями существ, которые Геральт узнал мгновенно. Грифоны, кракены, единороги, тот, на котором остановился Пицель, представлял собой огромную клыкастую летучую мышь со сложенными крыльями и раздутым красным животом.

«К дальнему юго-востоку от Вестероса есть земля, известная как Соториос. Мы очень мало знаем о ней, за исключением рассказов, описывающих землю великих лесов, простирающихся настолько далеко, насколько может видеть глаз. свирепствуют смертельные болезни, и процветают звери, которых больше нигде не видели. Безглазые обитатели пещер, огромные мотыльки, питающиеся вкусом человеческой плоти..."

«И летучие мыши-вампиры, это похоже на то место, где я мог бы заработать много денег. Если эти сказки звучат правдой».

«Мой скептицизм в отношении таких историй всегда был велик, понимаете, ничего, кроме рассказов пьяных моряков, ошибочно записанных в тщетной попытке получить знания. И все же, когда я увидел катакан... Сходство», — Пицель вздрогнул. «Их нельзя было сбрасывать со счетов с такой готовностью. Тем более после того, что вы мне рассказали. Я знаю, что Соториос — земля, неизвестная вам, но, по вашему экспертному мнению, могут ли вампиры из тех странных мест и ваша родина быть одним целым? и такой же?"

Геральт ответил не сразу, ожидая, что этот конкретный вопрос возникнет раньше, чем позже. Даже в своем объяснении порталов прошлой ночью он сказал, что пришел из далекой страны, а не из другого мира. Не обязательно неправда, скорее игра слов, чем откровенная ложь.

"Правда? Ваше предположение так же хорошо, как и мое. Вампиры, наряду со многими другими существами, не являются коренными жителями моей родины, на самом деле люди тоже. Они и многие другие существа, о которых я еще не рассказывал вам, прибыли во время конкретное событие, которое безвозвратно изменило все. Мы называем это Соединением Сфер».

"Событие магии, да?"

«Тот, которого не видели больше тысячи лет», не считая почти Соединения, когда Цири уничтожила Белый Фрост. «Бесчисленные существа из столь же чужих, неведомых земель появились в нашей стране, одни добрые и безобидные, другие невероятно опасные для самой экосистемы места, не созданного для них. Именно в этот момент магия или сила, стал более выраженным, что позволило создавать специальное оружие, пропитанное им».

И многое другое, чем Геральт не хотел делиться, пока Эйрис не правил Вестеросом.

— Через упомянутые вами порталы? — спросил Пицель и в смятении покачал головой, когда Геральт кивнул. «Боже мой, судя по тому, что вы описали, один-единственный вампир вызвал бы непоправимое разрушение во всех Семи Королевствах. Я уверен, что одна только мысль о том, что сотни или тысячи из них прибудут в одиночку среди многих других... хорошо... Неудивительно, что у вас появилась профессия, господин Геральт.

«Ситуация успокоилась, значительно, но да... В те дни царил хаос, чистый и простой. Так много существ, выброшенных на берег с Соединения, не привыкли жить на этих землях. Их естественная среда обитания, добыча и хищники все исчезли. Некоторым удалось выжить, либо найдя близкий эквивалент всем трем, другим, интегрировавшись в общество. Многим другим ... не так повезло ".

«Когда же произошло это Соединение Сфер, позвольте спросить?»

— Точная дата неизвестна, вообще говоря, принято считать, что это произошло полторы тысячи лет назад.

Пицель снова погладил бороду, и на его лице появилось задумчивое выражение. — ...Могло ли это быть четыре века назад?

Геральт хотел прямо сказать об этом, один только возраст Региса на момент его смерти делал это невозможным. Не говоря уже о множестве других событий и продолжительности жизни людей и существ. — Сомневаюсь, почему? Что-то случилось тогда.

«Гибель Валирии», — сказал Великий Мейстер серьезным голосом, словно на его словах лежала тяжесть веков. «У нас нет времени сегодня останавливаться на этом более подробно, но я могу передать вам несколько замечательных работ для чтения в ваших покоях».

«Примите мою благодарность, Великий Мейстер, что вы можете сказать об этом Думе прямо сейчас?»

«Валирия, или Валирийская Фригольдия, была величайшей цивилизацией, которую когда-либо видел мир. Она охватывала большую часть Эссоса, доходя до Вольных Городов и острова Драконий Камень возле Королевской Гавани. Это была цивилизация неизмеримой силы, приземленная и тайная, построенная на спинах рабов, магия крови... и драконы. Говорят, что эта магия позволила им взрастить великих огнедышащих зверей, чтобы подчинить мир. Многие пытались бросить вызов господству валирийцев, но никто не преуспел, сила всадников на драконах была просто слишком велика, чтобы ее могла победить любая обычная сила оружия».

— А потом что-то пошло не так.

Пицель серьезно кивнул. «Говорят, что в день Рока каждый холм на пятьсот миль взорвался, выпустив на волю огонь, дым и пепел, каких не было ни до, ни после. Сила этих извержений была такова, что даже драконы, способные противостоять Великие пожары погибли так же,

как мужчины, женщины и дети. Дворцы и города были разрушены землетрясениями, озера и моря вскипели, сам Валирийский полуостров был разбит на множество островов, которые сохранились до наших дней. Всего за один день Фригольд был не больше. За исключением Дома Таргариенов, который избежал Гибели и выживает по сей день».

Такой, какой она была. «Судя по вашему вопросу о связи Соединения с Гибелью, рискну сказать, что причина этого разрушения еще не установлена?»

«Чаще всего говорят, что это было естественным явлением, ни больше, ни меньше. Септоны хотели, чтобы мы поверили, что валирийцы сами выкопали те самые семь адов и навлекли на себя гнев богов».

«Третья группа предполагает, что магия крови сыграла свою роль».

Пицель кивнул. «Мой коллега-мейстер, который, без сомнения, будет очень заинтересован во встрече с вами, будь он здесь, а не за границей, считает, что это так. Больше не контролировали его или переиграли и навлекли на себя катаклизм».

— Не исключено, — сказал Геральт, глядя на свои мечи, прислоненные к стулу. «Даже наполнение лезвия простой руной может привести к ужасным неприятным последствиям, если не хватает практики, знаний или умений. Та сила, которую они использовали... Удивительно, что они уничтожили только себя. Кто-нибудь успешно исследовал руины? Земля все еще опасна?»

«Несколько попыток были безуспешными. Король Томмен II из дома Ланнистеров пытался сделать это за десятилетия до кампании Эйгона Завоевателя. Его больше никто не видел и не слышал, валирийский клинок дома Ланнистеров исчез вместе с ним».

— Сир Артур упомянул мне о них, еще одном продукте магии Фригольда?

«Валирийская сталь непревзойденного качества. Хотя я не воин, очень многие засвидетельствовали их долговечность, прочность, легкость и непревзойденную режущую силу. Такого ее качество и редкость, сегодня нет ни одной сотни таких клинков оставшиеся в Вестеросе. Семейные реликвии знатных домов, больших и меньших».

С этого момента Геральт поклялся проявлять особую осторожность со своими мечами...

— Скажи мне, мастер ведьмак, что ты знаешь о драконах? В тот вечер Эйрис уволился, пригласив Геральта, остальных членов знатной семьи и малый совет на очередной ужин. Правда, в этот раз посетителей было меньше. Принцессы Элии не было, вероятно, по состоянию здоровья, как и Мастера над монетами, который вчера едва не выскочил из бального зала.

За исключением Королевской гвардии, короля и Геральта, единственными остальными были Тайвин, Пицель, Варис и принц Рейгар. Десница короля сидела прямо напротив Геральта, а сын короля — справа от него. Варис сел справа от него, а Пицель сел слева от Геральта. Как и прежде, Эйрис зарезервировал себе четверть стола. Вокруг него стояла эскадрилья дегустаторов еды и вина.

Их напитком на вечер было красное, сладкое и фруктовое летнее вино. В сопровождении обжаренной кожи кабана был бекон, ребрышки, запеченные с чесноком и другими травами, пирог с голубями и салаты из сладкой травы, шпината и слив, и это лишь некоторые из них. Эйрис позволил первой части ужина пройти достаточно приятно, проявив замечательную

сдержанность. Геральт наполовину ожидал, что он выпалит этот вопрос до того, как они вернутся в убранный бальный зал. На противоположном конце стола Тайвин внешне не шевельнулся при вопросе, да и не нужно было этого, Геральт знал, что он тоже этого предвидел.

— Очень многое, ваше величество, — ответил Геральт, вытирая подбородок тряпкой. «Боюсь, очень немногие рисуют хорошую картину. История этого вида на моей родине весьма серьезна».

— Они тоже вымерли? — сказал Эйрис с мрачным выражением в глазах.

«Пока нет, но очень близко. Их количество уменьшалось в течение сотен лет, с момента прибытия человечества на земли, известные нам сегодня как Нильфгаард или бывшие Северные королевства. Невежество и жадность поставили их на грань уничтожения. ...Нет другого вида, столь же поносимого, как дракон».

"Хватит болтать о проблеме!" — отрезал Эйрис. "Говори ясно, теперь!"

«Замки считаются высшей защитой от природы, от животных и монстров, от других людей. Неважно, к какому виду вы принадлежите, это универсальная истина между ними всеми. Замки представляют собой вершину цивилизации, безопасность от всех опасностей, таящихся там, в нетронутых дебрях. Они действительно могут противостоять многим грозным зверям, на которых я охотился годами».

«И все же они не могут сопротивляться дракону», — сказал лорд Варис, слабо улыбаясь.

«И все же они не могут противостоять дракону. Ибо они великие звери, способные извергать огонь и летать даже над самыми высокими зубчатыми стенами. Бедствие человечества, как никто другой, достойный величайшего презрения. Если бы у меня была золотая монета за каждую балладу, история и сказка, изображающие их как воплощение зла, у меня было бы достаточно денег, чтобы купить собственный замок.

«На моей родине драконы также известны тем, что хранят в своих логовищах огромные сокровища. Лучшие аметисты, драгоценные камни и другие бесценные алмазы. Достаточно богатства, чтобы превратить нищего в короля за одну ночь. Сами драконы — отличный источник алхимических ингредиентов, редкие, которые можно получить только из их костей, зубов, чешуи и даже крыльев».

Геральт сделал еще глоток вина, горло воспалилось от всего, что он говорил. «Наконец, у драконов есть много кузенов, меньших зверей, которые не могут ни осадить город в одиночку, ни извергнуть огонь. Для крестьян и даже большей части знати одна летающая ящерица-переросток ничем не отличается от другой. Итак, часто за деяния своих меньших сородичей драконы сами платили за это немалой ценой крови».

— Без сомнения, от рук людей и ведьмаков, — спросил Варис, отхлебывая из чашки. — В конце концов, как вы нам объяснили, очень многие люди дорого заплатили бы за дракона.

«Да, очень многие пытались, и все они потерпели неудачу. Ведьмаки не убивают драконов».

"Действительно?" — сказал принц Рейегар. «Я думаю, что охотник на зверей не будет различать».

«Со многими существами? Вы были бы абсолютно правы, однако существуют исключения, и

среди них немало драконов. Ибо они не простые намеры или утопцы, драконы моих земель — разумные существа».

Все присутствующие за столом смотрели на него так, как будто у него выросла вторая голова. Эйрис и принц Рейгар в особенности были ошеломлены, забавно, это был самый нормальный вид короля с тех пор, как ведьмак пересекся с ним.

— Мастер Геральт... — медленно и неуверенно произнес Пицель. — Ты хочешь сказать?..

«Что драконы способны на мысли и чувства, подобные человеческим? Да, это известно среди нас, ведьмаков. скажем так, человеческая порядочность. Много лет назад один конкретный дракон пытался создать свое собственное королевство, где эльфы, гномы и даже люди могли бы жить вместе в мире».

«Добрый дракон? Бессовестный дракон?!» — сказал Эйрис, едва не выплюнув это слово. «Смешно, дракону нечего думать о себе, и уж тем более о сострадании! Они существуют только для того, чтобы слушать команды своего всадника, сжигать и уничтожать своих врагов дотла! гори!"

Непреодолимое желание указать на то, что звероподобные валирийские драконы вымерли, а так называемые щепетильные драконы его земель еще выжили, было сильным. Тирада Эйриса продолжилась, говоря о превосходстве валирийских пород, их непревзойденной силе и обо всем, что он мог с этим сделать. Судя по незаметному закатыванию глаз Тайвина, это был далеко не единственный раз, когда он хвалил их так высоко, несмотря на то, что никогда не видел ничего, кроме мертвого яйца.

— Что скажешь, мастер ведьмак? — сказал Эйрис, снова сосредоточившись на Геральте, на его лице застыло напряженное выражение. «Примете ли вы контракт на «Черный ужас»? Существо без угрызений совести и милосердия?»

"Самый большой дракон в тронном зале?" Геральт улыбнулся, покачав головой. — Нет, если ты дашь мне в награду армию из миллиона человек и половину Семи Королевств.

Наглое заявление произвело желаемый эффект, глаза Эйриса загорелись, как у взволнованного ребенка, его грудь вздымалась вверх и вниз, когда он хохотал. Когда он мог, он громко и долго говорил о превосходстве валирийских драконов, о такой великой силе, что даже человек, рожденный и воспитанный, чтобы убивать монстров, отказался бы сражаться с одним из них. Следующие полчаса Геральт подыгрывал ей, позволив Эйрису ликовать по поводу его кажущейся неполноценности проникнуть в разум короля. Простой взгляд на Тайвина через стол сказал ему, что он сыграл так хорошо.